

бование изучения идейной направленности „Слова“ для правильной его датировки. Однако текстологические данные, которые прежде всего следовало бы привлечь при решении вопроса о времени возникновения „Слова“ и его редакций, до сих пор остаются мало использованными. Даже в научно-критических изданиях И. А. Шляпкина,¹ П. Миндалева² и Н. Н. Зарубина³ данные сравнительного текстологического изучения „Слова“ и „Моления“ используются недостаточно при решении вопросов датировки памятника, идейно-художественного своеобразия его редакций, их взаимоотношения и пр.

В настоящей статье я ставлю своей целью дать комментарии к части важнейших мест „Слова“ на основе сравнительного изучения его текстов, полагая, что это окажется небесполезным как для определения времени возникновения его редакций, так и для решения ряда других вопросов его изучения.

* * *

„Слово“ и „Моление“ уже в самом начале, в той части, которую можно назвать вступлением, дают разные чтения. Учитывая их, можно сделать некоторые предположения о том, как называлось данное произведение в оригинале, и ближе подойти к определению его жанровой природы. Я имею в виду изложение второго параграфа.⁴

„Слово“

Бысть язык мой, (яко) трость книжника скорописца, и уветлива уста, аки речная быстрость. Сего ради покушахся написати всяк съуз сердца моего и разбих зле, аки древняя младенца о камень (А, II).

„Моление“

И бысть язык мой, яко трость книжника скорописца;

тем окушахся
изреци слово; всяк союз
разверг сердца моего, разбих зле
аки древняя младенца о камень (Ч, II).

Можно с уверенностью сказать, что „Слово“ дает более близкие к протографу обеих редакций чтения этого места. Так, в „Молении“ в этом параграфе пропущены слова: „... и уветлива уста, аки речная быстрость“; в Чудовском списке они полностью отсутствуют, в списке же Ундольского встречаются в ином сочетании в параграфе XIX, так что очевидно, что первоначально они были на своем месте в тексте второй редакции. Но кроме указанного малозначительного разночтения, в этом же параграфе „Моление“ дает другое разночтение, которое невольно привлекает к себе внимание. Вместо слов первой редакции: „Сего ради покушахся написати всяк съуз сердца моего“, здесь читаем: „Тем окушахся изреци слово; всяк союз разверг сердца моего“. Это явное искажение первоначального текста, явившееся, повидимому, в результате намерения редактора „Моления“ исправить этот текст. Переделывая текст своего источника, он ищет необходимые ему слова здесь же, поблизости, в контексте. Так, по аналогии с вышенаписанным „да развергу в притчах гадания моя“ он пишет малопонятное „всяк союз разверг сердца моего“. Что же касается начала этой фразы: „тем окушахся изреци слово“, то оно, вероятно, объясняется тем, что

¹ И. А. Шляпкин. Слово Даниила Заточника. Памятники древней письменности, 1889, XXXI.

² П. Миндалев. Моление Даниила Заточника и связанные с ним памятники. Казань, 1914.

³ Н. Н. Зарубин. Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII веков и их переделкам. Изд. АН СССР, Л., 1932.

⁴ Ссылки и цитаты везде даются по изданию Н. Н. Зарубина.